

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-164–175

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ И АПОТРОПЕЙЧЕСКИЙ ШУМ В ДРЕВНЕРИМСКОЙ МАГИИ

А.В. Зубарева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
canidia@ya.ru*

Аннотация. Статья посвящена одной из наименее исследованных сторон античной магии – ее звуковой составляющей. В поисках ответа на вопрос, фигурировала ли в древнеримской магии музыка в каком-либо виде, проанализированы античные источники; кроме того, привлекается сопоставительный материал из области этнографии.

Античные авторы описывают римскую традицию издавать во время лунного затмения шум при помощи предметов из медного сплава, в том числе музыкальных инструментов. Эти действия должны были воспрепятствовать затмению, которое, наряду с другими необычными природными явлениями, вызывало страх и могло восприниматься как дурное предзнаменование или гнев богов. В ряде источников, чаще всего поэтических, лунное затмение объясняется колдовством: согласно им, луну сводят с неба ведьмы. Распространение подобных представлений и появление в римской литературе образа ведьмы, обладающей властью над силами природы и способностью сводить с неба светила, связаны с увлечением римлян в I в. до н. э. магическими практиками, а также с влиянием греческих источников. В народных верованиях, нашедших отражение в римской поэзии, звон меди и громкое звучание духовых инструментов могли выступать как средство, способное помешать колдовству и вернуть луну на небо.

В ходе анализа источников сделан вывод о том, что такого рода ритуальный шум производился с защитной целью и был призван отогнать зло. Возникавшие в результате протомузыкальные формы нельзя назвать «музицированием» в узком смысле слова: использование музыкальных инструментов в этом случае не имело эстетической функции.

Ключевые слова: Древний Рим, античная магия, лунное затмение, апотропейческий шум, музыкальные инструменты

Среди проблем, относящихся к античной магии, вопрос о звуковой составляющей римских магических практик остается одним из самых малоисследованных. В тех редких случаях, когда он затрагивается в историографии, внимание авторов сосредоточено на «вокальной» стороне: о музыке обычно упоминается в связи со звучанием заговоров и заклинаний, которые, по-видимому, могли не только произноситься, но и пропеваться¹. Упоминаний же об инструментальной

Данные об авторе: Зубарева Алена Валерьевна – аспирант кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

¹ Luck 1999, 99; Кудрявцева 2014, 50; и др.

музыке (или ее зачатках) почти нет², и особенно это заметно на фоне сравнительно большого количества литературы, посвященной использованию музыкальных инструментов в официальной римской религии³.

Возникают вопросы: действительно ли инструментальная музыка, будучи важной составляющей римской религии, не использовалась в магии, и если да, то почему? Если же она все-таки присутствовала в магических практиках римлян, то в каком виде? Для выяснения этого обратимся к источникам и остановимся на одном из описанных в них природных явлений, которое часто упоминается в связи с магией, – лунном затмении.

В античных источниках мы находим сведения об отношении древних к затмениям светил: наряду с другими редкими и необычными природными явлениями они вызывали суеверный ужас и могли восприниматься как дурное предзнаменование⁴. Так, Плиний Старший во II книге «Естественной истории» пишет, что «жалкий человеческий разум» (*misera hominum mente*) во время затмений «страшится каких-либо бедствий или смерти» (*scelera aut mortem aliquam siderum pavente* – Plin. Nat. hist. II. 15, Mayhoff⁵).

Страх иногда был настолько сильным, что мог серьезно повлиять на ход политических событий. В связи с лунным затмением в источниках описано несколько таких случаев. Например, Плиний в том же фрагменте «Естественной истории» напоминает о том, как, испугавшись лунного затмения, несведущий (*ignarus*) в этом отношении суеверный «афинский полководец Никий навредил их [афинянам] войскам, побоявшись вывести флот из порта» (*Nicias atheniensium imperator veritus classem portu educere opes eorum adflixit* – Ibid.). Имеется в виду лунное затмение 27 августа 413 г. до н. э., произошедшее во время Пелопоннесской войны и определившее трагический для Афин итог Сицилийской экспедиции (Thuc. VII. 50). О другом эпизоде (уже из римской истории), когда лунное затмение оказало определенное влияние на ход военных действий, подробно рассказывает Плутарх – в жизнеописании Луция Эмилия Павла. Речь идет о решающем сражении Третьей Македонской войны – битве при Пидне (168 г. до н. э.). Македонский царь Персей был хорошо подготовлен к войне и имел многочисленное войско. Перед битвой при Пидне количественное превосходство по-прежнему было на его стороне; диспозиция тоже оказалась достаточно удачной для македонян. Но в ночь накануне битвы произошло затмение: «...луна⁶, полная и стоявшая высоко в небе, потем-

² Некоторая информация на эту тему содержится в словаре В.Г. Рошера (Roscher 1894–1897, 3164–3167), в книгах Д. Огдена (Ogden 2002, 239) и Е.В. Герцмана (Герцман 1995, 244). Существуют также работы, посвященные апотропеической функции колокольчиков у римлян, однако колокольчики рассматриваются в них не как музыкальные инструменты в узком смысле. См., например: Parker 2018, 57–68.

³ См., например: Wille 1967, 26–74; Landels 2002, 172–205; Suoni silenti 2011, 36, 39–53; Герцман 1995, 55–77; Зубарева 2016; и др.

⁴ См. об этом: Roscher 1894–1897, 3165. Восприятие затмений светил как знамений было характерно не только для античной цивилизации. См., например: Плотникова 1999, 276–279; Творогов 1995, 73–76.

⁵ Ссылки на латинский текст Плиния даются по изданию: Pliny the Elder. *Naturalis Historia* / Ed. K.F.T. Mayhoff. Lipsiae, 1906.

⁶ В переводах источников и комментариях к ним встречается написание как со строчной, так и с прописной буквы: «луна» и «Луна». Цитируя и обсуждая источник в чем-либо переводе, мы используем вариант, предложенный переводчиком.

нела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе» (Plut. Aem. 17. 3 – Перевод здесь и далее С.П. Маркиша). Это событие внесло смятение в ряды македонян: «...лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя» (Plut. Aem. 17. 4). Римлянам повезло больше: по словам Плутарха, командующий римскими войсками Эмилий Павел обладал некоторыми научными познаниями о законах затмений, «в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит» (Plut. Aem. 17. 5). При первых лучах освобождающейся от мрака луны он заколол в ее честь 11 телят, а на рассвете принес жертвы Гераклу, получив на последнем из жертвенных быков предсказания, обещавшие римлянам победу в случае, если они будут защищаться (Plut. Aem. 17. 5–6).

В других источниках мы находим несколько иные версии этих событий. Так, Цицерон в трактате «О государстве» сообщает, что не сам Эмилий Павел, а Гай Сульпиций Галл (друг Эмилия Павла, сведущий в астрономии, и в то время военный трибун в его войске) на другой день после затмения объяснил встревоженным воинам, почему не стоит воспринимать его как дурной знак (Rep. I. 15. 23). Тит Ливий же и вовсе утверждает, что Сульпиций еще перед затмением «созвал с дозволения консула воинов на сходку и объявил, что грядущей ночью, между вторым и четвертым часом луна – и пусть никто не почтет это знаменьем – исчезнет с неба. И это, говорил Сульпиций Галл, дело естественное, закономерное и своевременное, а потому и предузнаваемое, и предсказуемое» (Liv. XLIV. 37. 5–6. – Перевод О.Л. Левинской). Когда затмение действительно произошло, то «римским воинам мудрость Галла казалась почти что божественной; македоняне же усмотрели в случившемся знак недобрый, предвестье падения царства и гибели народа, в чем не разуверил их и прорицатель» (Liv. XLIV. 37. 8–9). Такую же хронологию событий видим у Плиния Старшего (Nat. hist. II. 15) и Секста Юлия Фронтиня (Strat. I. 12).

По сообщению Тацита, именно затмение решило исход мятежа, вспыхнувшего в паннонских легионах после смерти Августа и перехода власти к Тиберию. Узнав о нем, Тиберий направил в Паннонию своего сына Друза с двумя преторианскими когортами. Но прибытие Друза и его обращение к восставшим не слишком существенно изменили настроения в лагере. И тут случилось лунное затмение, ставшее переломным моментом в этой истории: воины увидели в нем знамение, относящееся к тому, что они предприняли. Когда то становившуюся ярче, то тускневшую луну скрыли облака, то «все сочли, что она окончательно исчезла во мраке и что этим им возвещаются страдания на вечные времена», и «предались скорби, думая, что боги порицают их поведение» (Tac. Ann. I. 28 – Перевод здесь и далее А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко). Друз воспользовался случаем и приказал обойти палатки с увещеваниями. Благодаря этому мятеж утих: к находившимся в замешательстве бунтовщикам вернулась готовность к повиновению, а их вожаки были схвачены и умерщвлены.

В источниках содержатся сведения не только об отношении к лунному затмению, но и о конкретных действиях, которые предпринимались в таких случаях.

В рассмотренном выше фрагменте жизнеописания Эмилия Павла Плутарх пишет, что «римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению сту-

чали в медные щиты и сосуды⁷ и протягивали к небу пылавшие головни и факелы» (Plut. Aem. 17. 4). Сходное поведение описывает и Тацит, рассказывая об уже упомянутом нами мятеже в паннонских легионах: когда воины увидели меркнущую луну, то «они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки» (aeris sono, tubarum cornuumque concertu strepere – Tac. Ann. I. 28). Здесь, помимо звона меди, упоминается еще и оглушительное звучание музыкальных инструментов: труба (tuba) и рог (cornu) – медные духовые инструменты, основной функцией которых были военные сигналы⁸.

О звоне меди как средстве против затмения читаем и в римской поэзии. Овидий в «Метаморфозах» сравнивает зардевшееся лицо юного Гермафродита, в числе прочего, с луной, теряющей свою белизну: «Цвет у яблок такой на дереве, солнцу открытом, / Так слоновая кость, пропитана краской, алеет, / Так розовеет луна при тщетных меди призывах» (Ov. Met. IV. 331–333. – Перевод С.В. Шервинского). Когда в последней из этих строк поэт говорит о «розовеющей луне» (буквально – о «краснеющем свете луны», *sandore rubenti lunae*), он имеет в виду лунное затмение, во время которого луна багровеет. Близкий к этому образ спускающейся с неба «кровавой луны» (*luna sanguinea*) встречается в его же «Любовных элегиях» (Ov. Amor. II. 1. 23). Вспомним и цитированный выше фрагмент из Плутарха, где луна меняет свой цвет, прежде чем исчезнуть. Что же касается «тщетных призывов меди» (буквальный перевод фразы *frustra resonant aera auxiliaria* – «напрасно звучит приносящая помощь медь») – очевидно, имеется в виду то самое бряцание, о котором шла речь в рассмотренных выше источниках. Однако здесь привлекает внимание еще один момент. Так же как и греческое *χαλκός*, латинское *aes* может означать не только собственно медь, но и изделия из меди, в том числе кимвалы – музыкальные инструменты, имевшие вид небольших тарелок, которыми ударяли друг о друга. И если в случае с Плутархом или Тацитом нет оснований предполагать, что речь идет об этих инструментах, то в случае с Овидием такое возможно: в римской поэзии – в частности, в «Фастах» Овидия – слово *aes* используется как синоним к *symbala* (ср. Fas. IV. 184, 189 и 213); на наш взгляд, этого недостаточно для вывода, что в рассмотренном выше фрагменте «Метаморфоз» поэт тоже имеет в виду именно их, однако подобная трактовка встречается в литературе⁹. Возможно, под «медью» в подобных случаях в источниках подразумеваются любые изделия из меди или бронзы, которые можно использовать для создания шума, в том числе и музыкальные инструменты.

Упоминание меди (кимвалов?) вместе со звучанием труб как средства против затмения находим и в VI сатире Ювенала. Она направлена против женщин – в том числе тех, которые желают прослыть учеными и, на взгляд поэта, не в меру речисты. Говоря о пустозвонстве такой женщины, Ювенал делает следующее сравне-

⁷ В оригинале *χαλκός* – медь или что-либо сделанное из меди: оружие, сосуды. В античных источниках для обозначения меди и бронзы используются одни и те же слова: у греческих авторов – *χαλκός*, у римских – *aes*. Оба этих слова обычно переводят на русский язык как «медь». С современной точки зрения это не вполне корректно: медь в чистом виде – слишком мягкий материал для изготовления оружия, утвари или музыкальных инструментов; римляне использовали сплавы меди: бронзу и латунь (Parker 2018, 58, 60, 63, 64; Ogden 2002, 239; Johns 1982, 63). Далее в этой статье мы будем писать «медь/медный», имея в виду медь с примесями (сплавы меди).

⁸ См., например: Wille 1967, 84–90, 93–97; Suoni silenti 2011, 37; Герцман 1995, 240–244.

⁹ Ogden 2002, 239.

ние: она сыплет столь много слов, что кажется, будто тазы (*pelues*) и колокольчики (*tinnabula*) бьются (*pulsari*) друг о друга. Поэтому, случись затмение, не будет надобности истязать трубы (*tubae*) или медь (*aera* – во множественном числе): подобная особа и в одиночку поможет луне вернуться на место¹⁰.

Итак, в источниках описаны действия, которые предпринимались во время затмения: люди начинали создавать шум с помощью медных предметов, в числе которых могли быть и музыкальные инструменты. Из описаний понятно, что эти действия должны были помешать затмению. Но с чем связаны представления о том, что воспрепятствовать затмению и помочь луне вернуться на место можно таким способом? Посмотрим, как это объясняют античные авторы.

Плиний говорит, что в лунных затмениях смертные винят колдовство и стараются помочь делу нестройным брэнчанием (*aut in luna veneficia arguente mortalitate et ob id crepitu dissono auxiliante* – *Plin. Nat. hist. II.15*)¹¹. Для ответа на вопрос, о чем колдовстве здесь идет речь, обратимся к другим источникам, в частности, к римской поэзии.

Тибулл говорит о колдовском напеве (*cantus*¹²) старой ведьмы, которым она пытается свести Луну с колесницы, – и это бы произошло, если бы не звучали удары меди: *Cantus et e curru Lunam deducere temptat / Et taceret, si non aera repulsa sonent* (*Tib. I. 8. 21–22*).

Такой образ связан с увлечением римлян магическими практиками в I в. до н. э., особенно после гражданских войн. Отчасти из-за этого, отчасти под влиянием греческой литературы во второй половине I в. до н. э. в произведениях римских поэтов происходит всплеск интереса к магической тематике¹³. С этого времени в римской литературе появляется классический образ ведьмы¹⁴, оказавший влияние и на последующие эпохи. Одна из самых характерных черт ведьм в этих описаниях – власть над силами природы, в том числе способность сводить с неба луну и звезды (*Hor. Ep. V, 45–46*; *Hor. Ep. XVII. 77–78*; *Propert. I. 1. 19–24*; *Petr. Sat. CXXXIV*)¹⁵. Лукан в поэме «Фарсалия» описывает сведение луны как преступный обряд (*scelerum ritus* – *Luc. Phars. VI. 507*), ведущий свое происхождение от фессалийских ведьм¹⁶: «Колдуньи впервые светила / С горного неба¹⁷ свели:

¹⁰ *uerborum tanta cadit uis, / tot pariter pelues ac tintinnabula dicas / pulsari. iam nemo tubas, nemo aera fatiget: / una laboranti poterit succurrere Lunae* (*Iuv. Sat. VI. 440–443*).

¹¹ Б.А. Старостин переводит этот фрагмент не вполне правильно: «Другие, заключая [при виде затмения луны], что ее отравили и она умирает, пытались с помощью шума и грохота оживить ее» (*Plin. Nat. hist. II. 15*. – Перевод Б.А. Старостина). В оригинале об отравлении, умирании или оживлении луны ничего не говорится.

¹² *Cantus* – пение, песня, напев, музыка; одно из значений – волшебная песнь, заклинание, заговор. Слово *cantus*, как и *carmen*, используется в античных источниках для обозначения заклинания – например: *Tib. I. 2. 47–48, 55*; *Luc. Phars. VI. 693–694*. См. об этом также: *Burris 1936, 142–143*.

¹³ Штаерман 1987, 203.

¹⁴ Кудрявцева 2014, 45.

¹⁵ См. об этом: *Roscher 1894–1897, 3164–3167*; *Ogden 2002, 236–240*; *Edmonds 2019, 1–2*. Схожие представления встречаются и в других культурах (см.: *Белова, Толстая 2004, 146*; *Плотникова 1999, 277*).

¹⁶ Фессалия в античных представлениях была прочно связана с магией: эта область Греции считалась колдовским местом и славилась ведьмами (*Luc. Phars. VI. 438–444* и далее; *Apiul. Met.*; см. также: *Roscher 1894–1897, 3165*; *Ogden 2002, 236–238*; и др.).

¹⁷ В оригинале, скорее всего, имеется в виду: «с небесного склона» (*praecipiti polo*).

побледнела ясная Феба¹⁸, / Яда заклятий испив, землистым пламенем тусклым / Так загорелась она¹⁹, как будто Земля ей затмила / Брата сияющий лик, небесный огонь заслоняя / Черною тенью своей; угнетенная шепотом вещим²⁰, / Терпит страдания²¹ она, покуда, к Земле приближаясь, / Не напитает своей ядовитой пеною травы²²» (Luc. Phars. VI. 499–506. – Перевод Л.Е. Остроумова). Эти травы фессалиянки используют для изготовления *virus lunare* – лунного зелья: именно такое зелье ведьма Эрехто вливает в разверстое чрево погибшего помпеянца, чтобы с помощью некромантии получить предсказание для Секста Помпея (Luc. Phars. 669).

Представления о том, что звоном меди можно помешать ведьмам, которые пытаются свести луну с неба, встречаются не только в упомянутой выше элегии Тибулла. В VII книге «Метаморфоз» Овидия Медея, описывая свои магические способности, упоминает и о власти над луной: «и тебя, Луна, свожу, хотя темесская медь²³ мешает твоему затмению» – *te quoque, Luna, traho, quamvis Temesaea labores / aera tuos minuunt* (Ov. Met. VII. 207–208). С.В. Шервинский переводит этот фрагмент не совсем точно: «Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской / Твой сокращаю ущерб».

Подобный образ встречается у Овидия не единожды. В дидактической поэме «Притирания для лица» он скептически отзывается о разных магических средствах и осуждает веру в их чудодейственную силу. Приворотные зелья, говорит Овидий, не помогут пробудить любовь, заклинания не повернут реки вспять, и «сколько бы кто-нибудь ни устранял²⁴ темесскую медь, Луну не сбросят ее кони» – *et quamvis aliquis Temesaea removerit aera, / numquam Luna suis excutietur equis* (Ov. Med. 41–42). В переводе С.А. Ошерова это место тоже интерпретировано не совсем верно, и в результате смысл меняется на противоположный: «Если в темесскую медь кто-нибудь иногда и ударит, / Все ж с колесницы ночной кони не сбросят луну». Но в этом случае ошибка закралась и в комментарий М.Л. Гаспарова: ссылаясь на уже упомянутый фрагмент «Метаморфоз», ученый пишет, что в медные сосуды ударяли колдуньи, сводя с неба Луну-Гекату²⁵. На самом же деле, наоборот, звон меди считался средством против затмения, причиной которого, в представлении римлян, была ворожба²⁶.

¹⁸ Здесь: луна (Phoebe – Феба, т. е. Диана, богиня луны).

¹⁹ *Palluit et nigris terrenisque ignibus arsit* – «побледнела и запылала темными землистыми огнями»: луна при затмении теряет ясность, багровеет (см. об этом выше).

²⁰ В оригинале: «сведенная вниз заклинанием» (*cantu depressa*).

²¹ В оригинале, по-видимому, игра слов: *labore* можно перевести и как «бедствие, тяготы, мука, страдание», и как «затмение» (во мн. числе – *labores solis, lunae*); *patitur labores* – «терпит страдания» или «подвергается затмению».

²² *Donec suppositas proprior despumet in herbas*. Рошер, комментируя это место, говорит о лунной «росе» (нем. *Tau*), которая наделяет травы волшебной силой (Roscher 1894–1897, 3164).

²³ Город Темеса в Южной Италии славился медными изделиями; там находились медные рудники.

²⁴ В оригинале использован глагол *removeo* – «отодвигать, удалять, устранять, изымать».

²⁵ Гаспаров 1978, 266.

²⁶ В.Г. Рошер, ссылаясь на источники, тоже отмечает, что затмение в античности считалось следствием злого колдовства, разрушить которое может звон медных предметов, звучание инструментов и громкий крик (Roscher 1894–1897, 3164, 3166).

Не во всех случаях традиция создавать шум при помощи меди связывается со стремлением помешать ведьмам. Плутарх в диалоге «О лике, видимом на диске Луны» объясняет ее иначе. Один из участников диалога излагает теорию о структуре мироздания и природе человека²⁷, согласно которой после смерти всем душам «суждено по выходе из тела блуждать в области между Землей и Луной» (Мог. 943с – Перевод зд. и далее Г.А. Иванова). Там души неправедных подвергаются наказанию, а души праведных в течение некоторого времени очищаются от связанных с телом скверн; затем некоторые души достигают Луны²⁸. Когда Луна проходит через тень Земли, то снизу через эту тень к ней приближаются сетующие и кричащие души наказуемых. И вот потому-то «очень многие люди держатся обычая стучать во времена затмений в медные сосуды (*χαλκώματα* – изделия из меди) и производить шум и гром против этих душ» (Мог. 944b).

Народные представления о колдовстве ведьм и это объяснение Плутарха объединяет то, что в обоих случаях звучанием меди отгоняют зло. Стук в щиты и сосуды или использование музыкальных инструментов рассеивает чары и выступает как защитное средство при непонятном пугающем явлении.

Упоминания о подобном рода обрядовом шуме нередко встречаются в историографии в связи с самыми разными традициями. Е.Г. Кагаров отмечает, что звон колокольчиков/колоколов во многих культурах считается отгоняющим нечисть²⁹. Ученый объясняет это «представлением об отвращающей силе металла» («нечистая сила избегает железа», «кинжал и вертел отгоняют злых духов»)³⁰.

Это явление рассматривается и в современных этнографических трудах. Н.И. Толстой говорит о «ритуальном стуке, треске и шуме», который можно производить «ударами по железу, сковородке, кастрюле и т. п.». Исследователь связывает подобные действия с ограждением пространства при помощи звука от вредоносных сил, реальных или потусторонних³¹. Е.Е. Левкиевская тоже считает, что одна из апотропеических функций звука заключается в создании магической границы, за которую не может проникнуть опасность. В качестве оберега могут выступать «звуки, издаваемые предметами, имеющими ярко выраженное ритуальное значение» (церковный колокол или в разной степени сакрализованные предметы быта: колокольчик, коса, заслонка и проч.)³².

О «„производстве“ звуков и шумов с определенной магической целью»³³, в том числе об апотропеическом шуме, пишет Т.А. Агапкина: «Шумом и криком выгоняют ведьм, выдворяют за пределы культурного пространства обрядовый персонаж, символизирующий зло, грехи и скверну (Масленица, Пуст, Жур и др.); так же поступают и с календарными периодами, „время“ которых истекло»³⁴.

²⁷ Подробный анализ диалога см. в статье: Петрова 2000, 122–131.

²⁸ Рошер упоминает о представлениях орфиков и пифагорейцев, согласно которым души усопших населяют Луну. Ученый считает, что эти представления уходят корнями в народные верования (Roscher 1894–1897, 3167).

²⁹ Кагаров 1929, 154–155.

³⁰ Кагаров 1929, 155.

³¹ Толстой 1995, 103.

³² Левкиевская 1995, 46–47.

³³ Агапкина 1995, 9.

³⁴ Агапкина 1995, 10.

Наконец, А.А. Плотникова говорит об апотропеическом шуме в непосредственной связи с лунным затмением: «При угрозе З[атмения] предпринимались защитные действия с целью отгона от светил опасных демонических персонажей... создание шума – стрельба из ружей, громкие крики, стук и звон посудой и металлическими предметами» (в числе таких предметов упоминаются колокола и колокольчики для скота)³⁵. Стрельбу из ружей как апотропеическое средство упоминает и Л.Н. Виноградова в связи со стригами – ведьмами, которым приписывалась способность вызывать непогоду и стихийные бедствия³⁶.

Как видим, ученые предлагают разные ответы на вопросы по поводу того, с чем может быть связано стремление защититься от зла ритуальным шумом, почему в качестве защитной меры применяется именно он и важен ли способ его создания. Возникают разные акценты в зависимости от того, что рассматривать как главный фактор: сакральное значение предмета, используемого для создания шума (церковный колокол, печная заслонка и другие предметы, имеющие ритуальную функцию), форма этого предмета и его функция в быту (здесь может иметь место симпатическая магия: так, в примерах Е.Г. Кагарова как апотропей часто выступает холодное оружие; другие исследователи упоминают стрельбу из ружей), материал, из которого он изготовлен (например, металл) или сам факт шума (громкие звуки, создающие невидимую границу и таким образом защищающие пространство – либо отгоняющие носителя опасности: зверя, стихийное бедствие или существо из потустороннего мира).

Те же вопросы возникают и в связи с использованием ритуального шума в римской апотропеической магии. Основываясь на проанализированных источниках, литературе и сопоставительном материале, можно сделать некоторые выводы.

Итак, необычные и непонятные природные явления зачастую повергали древних (в том числе римлян) в смятение и воспринимались ими как знамения. Одно из таких явлений – лунное затмение. В Древнем Риме лунное затмение могло рассцениваться как дурное предзнаменование, результат гнева небес или колдовства ведьм. Античные авторы говорят о принятой у римлян практике производить шум при затмении луны. Очевидно, этот шум имел апотропеическую функцию; что же касается более подробного анализа явления, то здесь нет полной ясности и возможны разные объяснения:

Во-первых, важен был сам факт шума и его громкость; для этого использовались те средства, с помощью которых проще и эффективнее всего было создать шум: звон меди, оглушительное звучание труб. Остальное зависело от конкретных обстоятельств. Вероятно, изначально для производства такого грохота применялись любые подручные средства (оружие, посуда), а позже стали привлекаться и музыкальные инструменты, удобные для этой цели.

Во-вторых, имел какое-то значение материал предметов, с помощью которых создавался шум. Обращает на себя внимание то, что во всех рассмотренных нами античных источниках на эту тему в качестве такого материала указывается медь.

В третьих, принципиальную роль играла еще и сама форма предмета, а также его прямые функции, использование в повседневной жизни. Здесь примечательно

³⁵ Плотникова 1999, 277.

³⁶ Виноградова 2010, 42.

в первую очередь использование оружия и военных музыкальных инструментов: есть некоторые основания предполагать, что это не только было обусловлено конкретной бытовой ситуацией и доступностью определенных предметов, но и имело связь с симпатической магией (ср. применение оружия в качестве апотропея в примерах из этнографии).

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью: при использовании музыкальных инструментов в римской апотропеической магии важна была не эстетическая сторона, а функциональность. Скорее всего, смысл заключался даже именно в создании нерасчленимого «звукового хаоса». В целом можно сделать вывод, что музыкальные инструменты фигурировали в древнеримских магических практиках, но в скудном количестве; «игра» на них не была музицированием в узком смысле слова: главной ее функцией была магическая. В то же время имеется и обратная тенденция: использование бытовых предметов, не имеющих прямого отношения к музыке (утвари, оружия), вместе с музыкальными инструментами и в близком к ним качестве.

Цели, для достижения которых создается шум, в источниках тоже объясняются по-разному. В некоторых случаях речь идет просто о попытке воспрепятствовать затмению, вернуть луну на место, поскольку возвращение луны может означать, что боги сменили гнев на милость. Иногда есть конкретизация: звон меди должен помешать колдовству ведьм, сводящих луну с неба. Плутарх предлагает еще одно объяснение: этим звоном люди отгоняют несправедные души, которые пытаются достигнуть Луны во время затмения (Mog. 944b). Аналогичные примеры с созданием шума для изгнания реального или потустороннего носителя опасности видим в этнографических исследованиях.

В заключение приведем слова А.К. Байбурина: «...звук является одним из наиболее явных признаков жизни, а его отсутствие – указанием на близость смерти или на саму смерть (ср.: „Кто рождается, кричит; кто умирает, молчит“ – Даль, 1955, II, с. 195)»³⁷. Вероятно, в апотропеических действиях римлян, совершаемых во время лунного затмения, свет и шум как признаки жизни противопоставлялись мраку и молчанию, связанным с ужасом и смертью. Звон меди и громкое звучание музыкальных инструментов, выступали как средство, разрушающее чары и пронзающее магический мрак рассветным лучом.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина, Т.А. 1995: Звуковое поле традиционного календаря. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 9–11.
- Байбурин, А.К. 1993: *Ритуал в традиционной культуре*. СПб.
- Белова, О.В., Толстая, С.М. 2004: Луна. В кн.: С.М. Толстая (отв. ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М., 143–147.
- Виноградова, Л.Н. 2010: Из словаря «Славянские древности»: Стрига. *Славяноведение* 6, 41–44.
- Гаспаров, М.Л. 1978: Примечания. В кн.: Публий Овидий Назон, *Скорбные элегии. Письма с Понта*. М., 225–266.
- Герцман, Е.В. 1995: *Музыка Древней Греции и Рима*. СПб.

³⁷ Байбурин 1993, 207. О том же пишет, например, А.Б. Мороз (Мороз 1995, 86).

- Зубарева, А.В. 2016: Музыка и музыканты в погребальном обряде Древнего Рима. В кн.: Т.В. Кудрявцева (отв. ред.), *Герценовские чтения – 2015. Актуальные проблемы всеобщей истории*. Вып. 1. СПб., 41–50.
- Кагаров, Е.Г. 1929: Состав и происхождение свадебной обрядности. В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 152–195.
- Кудрявцева, Т.В. 2014: Магические практики в законах XII таблиц. *ВДИ* 4, 40–55.
- Левкиевская, Е.Е. 1995: Голос и звук в славянской апотропеической магии. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 45–47.
- Мороз, А.Б. 1995: Звук / отсутствие звука как способ характеристики «сега» и «того» света (На примере сербохорватских заговоров). В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 85–88.
- Петрова, М.С. 2000: Природа души и мира в диалоге Плутарха «О лике, видимом на диске Луны». В кн.: П.П. Гайденко, В.В. Петров (ред.), *Философия природы в античности и в Средние века*. М., 122–131.
- Плотникова, А.А. 1999: Затмение. В кн.: С.М. Толстая (отв. ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 2. М., 276–279.
- Творогов, О.В. 1995: Астрономические явления в «Слове». В кн.: О.В. Творогов (отв. ред.), *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 1. СПб., 73–76.
- Толстой, Н.И. 1995: Магическая сила голоса в охранительных ритуалах. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 103–106.
- Штаерман, Е.М. 1987: *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.
- Burriss, E.E. 1936: The Terminology of Witchcraft. *Classical Philology* 31, 2, 137–145.
- Edmonds, R.G. 2019: *Drawing Down the Moon: Magic in the Ancient Greco-Roman World*. Princeton–Woodstock.
- Johns, C. 1982: *Sex or Symbol: Erotic Images of Greece and Rome*. London.
- Landels, J.G. 2002: *Music in Ancient Greece and Rome*. London; N. Y.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Ogden, D. 2002: *Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman Worlds: A Source Book*. N. Y.
- Parker, A. 2018: ‘The Bells! The Bells!’ Approaching Tintinnabula in Roman Britain and Beyond. In: A. Parker et al. (eds.), *Material Approaches to Roman Magic. Occult Objects and Supernatural Substances*. Oxford–Philadelphia, 57–68.
- Roscher, W.H. 1894–1897: Mondgöttin. In: W.H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd. II. Abt. II. Leipzig, 3119–3200.
- Suoni silenti 2011: R. Viccei (ed.), *Suoni silenti: Immagini e strumenti musicali del Civico Museo Archeologico di Milano*. Milano.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana. Die Bedeutung der Musik im Leben der Römer*. Amsterdam.

REFERENCES

- Agapkina, T.A. 1995: Zvukovoye pole traditsionnogo kalendarya [Sound field of traditional calendar]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 9–11.
- Baiburin, A.K. 1993: *Ritual v traditsionnoy culture [Ritual in the Traditional Culture]*. Saint Petersburg.
- Belova, O.V., Tolstaya, S.M. 2004: Luna [Moon]. In: S.M. Tolstaya (ed.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 3. Moscow, 143–147.
- Burriss, E.E. 1936: The Terminology of Witchcraft. *Classical Philology* 31, 2, 137–145.

- Edmonds, R.G. 2019: *Drawing Down the Moon: Magic in the Ancient Greco-Roman World*. Princeton–Woodstock.
- Gasparov, M.L. 1978: Primechaniya [Notes]. In: Publius Ovidius Naso, *Skorbnyye elegii. Pis'ma s Ponta [Sorrows. Letters from the Black Sea]*. Moscow, 225–266.
- Herzman, E.V. 1995: *Muzyka Drevney Gretsii i Rima [Music of Ancient Greece and Rome]*. Saint Petersburg.
- Kagarov, E.G. 1929: Sostav i proiskhozhdeniye svadebnoy obryadnosti [Composition and origin of wedding rituals]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii [Publication of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. 8. Leningrad, 152–195.
- Kudryavtseva, T.V. 2014: Magicheskiye praktiki v Zakonakh XII tablits [Magic in the XII Tables]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 40–55.
- Landels, J.G. 2002: *Music in Ancient Greece and Rome*. London–New York.
- Levkiyevskaya, E.E. 1995: Golos i zvuk v slavyanskoy apotropeicheskoy magii [Voice and sound in Slavic apotropaic magic]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 45–47.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Moroz, A.B. 1995: Zvuk / otsutstviye zvuka kak kharakteristiki “sego” i “togo” sveta (Na primere serbokhorvatskikh zagovorov) [Sound / lack of sound a means of characterizing “this” and “the other” worlds (illustrated by Serbian-Croatian incantations)]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 85–88.
- Ogden, D. 2002: *Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman Worlds: A Source Book*. New York.
- Parker, A. 2018: ‘The Bells! The Bells!’ Approaching Tintinnabula in Roman Britain and Beyond. In: A. Parker et al. (eds.), *Material Approaches to Roman Magic. Occult Objects and Supernatural Substances*. Oxford–Philadelphia, 57–68.
- Petrova, M.S. 2000: Priroda dushi i mira v dialoge Plutarkha “O like, vidimom na diske Lunny” [The nature of the soul and the world in Plutarch’s dialogue “Concerning the face which appears in the orb of the moon”]. In: P.P. Gaidenko, V.V. Petrov (eds.), *Filosofiya prirody v antichnosti i v Sredniye veka [Philosophy of nature in antiquity and the Middle Ages]*. Moscow, 122–131.
- Plotnikova, A.A. 1999: Zatmeniye [Eclipse]. In: S.M. Tolstaya (ed.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 2. Moscow, 276–279.
- Roscher, W.H. 1894–1897: Mondgöttin. In: W.H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* Bd. II. Abt. II. Leipzig, 3119–3200.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nyye osnovy religii Drevnego Rima [Social Basis of the Religion of Ancient Rome]*. Moscow.
- Suoni silenti 2011: R. Viccei (ed.), *Suoni silenti: Immagini e strumenti musicali del Civico Museo Archeologico di Milano*. Milano.
- Tolstoy, N.I. 1995: Magicheskaya sila golosa v okhranitel'nykh ritualakh [Magic force of voice in protective rituals]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 103–106.
- Tvorogov, O.V. 1995: Astronomicheskiye yavleniya v “Slove” [Astronomical phenomena in “The Tale”]. In: O.V. Tvorogov (ed.), *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve” [Encyclopedia of “The Tale of Igor’s Campaign”]*. Vol. 1. Saint Petersburg, 73–76.
- Vinogradova, L.N. 2010: Iz slovarya “Slavyanskije drevnosti”: Striga [From the dictionary “Slavic antiquity”: Striga]. *Slavyanovedeniye [Slavic Studies]* 6, 41–44.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana. Die Bedeutung der Musik im Leben der Römer*. Amsterdam.

Zubareva, A.V. 2016: Muzyka i muzykanty v pogrebal'nom obryade Drevnego Rima [Music and musicians in the funeral rite of Ancient Rome]. In: T.V. Kudryavtseva (ed.), *Gertsenovskiy chteniye – 2015. Aktual'nyye problemy vseobshchey istorii* [*Herzen Conference – 2015. Actual problems of foreign history*]. Vol. 1. Saint Petersburg, 41–50.

A LUNAR ECLIPSE AND AN APOTROPAIC NOISE IN ROMAN MAGIC

Alyona V. Zubareva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
canidia@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to one of the least researched aspects of the Ancient magic – its sound component. A number of Ancient sources is analyzed in the article in an attempt to answer the question, whether an instrumental music was a part of the ancient Roman magic of any kind; moreover, comparative ethnographic sources are used as well. The ancient authors describe the Roman tradition to emit noise applying various items made of copper alloys (including musical instruments) during lunar eclipses. Those actions were meant to inhibit the very occurrence of an eclipse, which, along with other unusual natural phenomena, instilled fear and could be perceived as a sinister omen or gods' anger. A number of sources, mainly poetic ones, explain eclipses as a manifestation of witchcraft: according to them, it is the witches, who brought the Moon down from the sky. Expansion of those beliefs in the Roman literature and emergence of the image of a witch, possessing power over natural forces and an ability to bring heavenly bodies down from the sky, are closely tied with the Romans' enthusiasm for magic practices in the 1st century BC and with the Greek sources' influence. In popular beliefs, that are reflected in the Roman poetry, tinkling copper coins and loud wind instruments sounds could be used as tools to challenge witchcraft and bring the Moon back to the sky. Based on the sources, the conclusion was drawn, that this noise had a defensive nature and was supposed to protect from evil. The emerging proto-musical forms cannot be called a “music-making” in a narrow sense, as the use of musical instruments in this case didn't have the aesthetic function.

Keywords: Ancient Rome, ancient magic, lunar eclipse, apotropaic noise, musical instruments
